
Мэри
Вейран
Развод
отменяется
18+
18+
СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Мэри Вейран
Развод отменяется

https://litres.ru/74722819
SelfPub; 2026

Аннотация

В день пятой годовщины свадьбы я сообщила мужу, что хочу развестись.

Артём Волков привык получать всё, чего хочет. Успешный бизнес, дорогие машины, идеальная жена. Только вот жену он давно перестал замечать.

Я устала ждать его по вечерам, засыпать в пустой постели и выпрашивать внимание человека, который когда-то обещал любить меня вечно.

Теперь я ухожу.

Но у судьбы отвратительное чувство юмора. Нам предстоит три месяца работать вместе над одним проектом. И изображать счастливую семейную пару.

Мой холодный, вечно занятый муж вдруг вспоминает, как соблазнять собственную жену. Он ревнует, провоцирует и смотрит на меня так, что я забываю, зачем вообще подала на развод.

Есть только одна проблема.

Я всё ещё хочу его.

Но больше не верю ему.

И если Артём Волков решил вернуть жену, на этот раз одних красивых обещаний будет недостаточно.

Мэри Вейран
Развод отменяется

Глава 1

Правда, он пока об этом не знал.

Артём сидел напротив, пил чёрный кофе и изучал что-то в телефоне с таким выражением лица, словно от содержимого экрана зависела судьба человечества. Возможно, так и было. В его мире судьбы человечества решались ежедневно. Обычно между девятью утра и десятью вечера, с небольшим перерывом на обед, который он тоже проводил за работой.

Я поставила перед ним тарелку с омлетом.

— Нам нужно поговорить.

— Угу.

— Артём.

— Секунду, Марин.

Я посмотрела на часы.

Восемь сорок три.

Пять лет назад в это время я сидела в гостиничном номере, а Софья пыталась приколоть мне фату. У неё дрожали руки, у меня дрожали колени, и мы обе смеялись так громко, что визажист пригрозила уйти.

Артём тогда прислал сообщение:

«Если передумаешь, я тебя всё равно найду».

Я ответила:

«Попробуй».

Он приехал на сорок минут раньше, поднялся в номер вопреки всем свадебным традициям и сказал, что не собирается ждать до церемонии, чтобы увидеть свою будущую жену.

Восемь сорок четыре.

— Я хочу развестись.

— Угу. Сейчас, только...

Он замолчал.

Медленно поднял голову.

— Что?

Я села напротив.

— Я хочу развестись, Артём.

Он посмотрел на меня, потом на тарелку, потом снова на меня.

— Это какая-то шутка?

— Нет.

— Марина.

Он произнёс моё имя тем особенным тоном, которым обычно разговаривал с подрядчиками, внезапно сообщившими о срыве сроков.

Я когда-то находила этот тон сексуальным.

У каждого человека есть постыдные страницы биографии.

— Что произошло? — спросил он.

Я едва не рассмеялась.

Не потому, что было смешно.

Просто иногда человеческая способность не замечать очевидного достигает такого совершенства, что хочется аплодировать стоя.

— Ничего.

— Тогда я не понимаю.

— Именно.

Он положил телефон экраном вниз.

Впервые за утро я удостоилась его полного внимания.

Пять лет брака. Два года одиночества. И всего четыре слова, чтобы он наконец посмотрел на меня.

Впечатляющая эффективность.

— Давай по порядку, — сказал Артём. — Ты хочешь развестись?

— Да.

— Со мной?

Я приподняла бровь.

— Нет, с нашим холодильником. Он хотя бы иногда со мной разговаривает.

Артём не улыбнулся.

Его лицо стало неподвижным.

— Ты серьёзно.

— Абсолютно.

Он откинулся на спинку стула.

На нём была белая рубашка с расстёгнутой верхней пуговицей. Рукава закатаны до локтей. На запястье часы, кото-

рые стоили как моя первая машина.

Когда-то я любила наблюдать, как он собирается по утрам.

Любила широкие плечи, чуть растрёпанные после душа волосы, сосредоточенное выражение лица. Любила, когда он проходил мимо и машинально целовал меня в макушку.

Особенно любила те редкие утра, когда он решал, что работа подождёт.

Последнее такое утро было...

Я попыталась вспомнить.

Не смогла.

— У нас проблемы? — спросил Артём.

Я посмотрела на него.

— Нет. У нас прекрасный брак. Просто я решила разнообразить семейную жизнь судебным процессом.

— Марина, прекрати.

— Что именно?

— Разговаривать со мной так.

— А как мне с тобой разговаривать?

— Нормально.

Я медленно выдохнула.

Вот оно.

Наше любимое слово.

Нормально.

Нормально, что он работает по выходным.

Нормально, что мы отменяем отпуск.

Нормально, что на мой день рождения он присылает цветы с курьером, потому что сам застрял на переговорах.

Нормально, что я засыпаю одна.

Нормально, что просыпаюсь тоже одна.

И совершенно ненормально, если однажды мне всё это надоедает.

— Хорошо, — сказала я. — Давай нормально. Я больше не хочу быть твоей женой.

Он провёл ладонью по лицу.

— Мы можем обсудить это вечером?

Я закрыла глаза.

Раз.

Два.

Три.

— Конечно, Артём.

Он заметно расслабился.

— Отлично. У меня сегодня...

— Давай через неделю. Или через месяц. Или когда у тебя

появится свободное окно между покупкой очередного участка и спасением мировой экономики.

— Не начинай.

— Я не начинаю. Я заканчиваю.

Он снова посмотрел на меня.

На этот раз внимательно.

— Что это значит?

— Это значит, что я уже приняла решение.

— Такие решения не принимают за завтраком.

— Ты прав. Я принимала его почти год.

В кухне стало тихо.

За панорамными окнами медленно просыпался город. Где-то внизу сигналили машины. На столешнице негромко гудела кофемашина.

Артём смотрел на меня так, словно я внезапно заговорила

на незнакомом языке.

— Год? — переспросил он.

— Примерно.

— И ты ничего не сказала?

Я почувствовала, как внутри поднимается что-то горячее и неприятное.

— Я говорила.

— Когда?

— В феврале, когда просила тебя пойти со мной к семейному психологу.

Он нахмурился.

— Я согласился.

— Ты отменил три встречи.

— У меня были объективные причины.

— Конечно.

— Марина...

— В апреле, когда я сказала, что больше не могу жить по твоему расписанию.

— Мы тогда поговорили.

— Ты сказал, что летом станет легче.

— И стало.

— Тебе.

Он сжал челюсть.

— Это несправедливо.

— Возможно.

Я посмотрела на свой кофе.

Он давно остыл.

— В июле я просила тебя взять отпуск. Хотя бы на четыре

дня. Помнишь?

— У нас закрывалась сделка.

— Помню.

— Ты прекрасно знаешь, насколько она была важна.

— Знаю.

— Тогда почему мы снова это обсуждаем?

Я подняла глаза.

— Потому что ты помнишь сделку, Артём. А я помню, как четыре дня просидела одна в гостинице у моря.

Он отвёл взгляд.

Впервые за весь разговор ему нечего было сказать.

Я почему-то не почувствовала удовлетворения.

Раньше я представляла этот момент иначе.

Думала, что он наконец поймёт. Что увидит, сколько всего

накопилось между нами. Может быть, даже обнимет меня и скажет что-нибудь простое.

Прости. Я был идиотом. Давай попробуем всё исправить.

Но Артём никогда не любил простых слов.

Ему нужны были решения.

Планы.

Сроки.

Ответственные лица.

— Хорошо, — произнёс он наконец. — Допустим, я действительно уделял тебе недостаточно внимания. Это можно исправить.

Я почувствовала усталость.

— Не всё можно исправить.

— Почему?

— Потому что я больше не хочу просить.

Он нахмурился.

— О чём?

Я посмотрела на него почти с нежностью.

Боже.

Он действительно не понимал.

— О том, чтобы ты хотел проводить со мной время.

Артём молчал.

Я встала и отнесла чашку к раковине.

В отражении тёмного стекла увидела женщину в домашнем платье, с собранными в небрежный пучок волосами.

Ничего особенного.

Не героиня трагедии.

Не брошенная жена.

Просто женщина, которой однажды надоело чувствовать себя одинокой рядом с человеком, которого она любила.

— Кстати, — сказала я, не оборачиваясь. — Сегодня пятое марта.

— Я знаю, какое сегодня число.

— Правда?

— Марина, что за вопрос?

Я повернулась.

Он смотрел на меня раздражённо.

Я ждала.

Секунду.

Другую.

И увидела, как меняется его лицо.

Сначала недоумение.

Потом осознание.

Потом что-то похожее на ужас.

— Чёрт.

Я улыбнулась.

— С годовщиной, любимый.

Артём не из тех мужчин, которые умеют красиво извиняться.

Он умеет красиво покупать.

Квартиры.

Машины.

Украшения.

Однажды, после особенно тяжёлой ссоры, он подарил мне часы с бриллиантами. Я тогда сказала, что предпочла бы провести с ним вечер.

Он ответил, что обязательно найдёт время.

Часы до сих пор лежали в коробке.

Время так и не нашлось.

— Я помнил, — сказал он.

— Конечно.

— Я действительно помнил. Просто последние несколько дней...

— Были сложными.

Он посмотрел на меня.

— Ты можешь хотя бы дать мне договорить?

Я скрестила руки на груди.

— Пожалуйста.

— У нас проблемы с подрядчиком. Вчера сорвалась встреча с инвесторами. Я почти не спал.

— Я заметила.

— Тогда почему ты ведёшь себя так, будто я специально решил тебя обидеть?

Потому что намерение не отменяет последствия.

Я могла бы сказать это вслух.

Могла бы снова объяснить, что дело не в одной годовщине.

Но я объясняла уже столько раз, что собственные слова начали казаться мне бессмысленными.

— Я не думаю, что ты хотел меня обидеть, — сказала я. — В этом и проблема.

Он резко выдохнул.

— Что ты хочешь от меня услышать?

Я задумалась.

Ещё вчера ответ был бы длинным.

Я хотела услышать, что он скучает.

Что ему меня не хватает.

Что он помнит, как мы когда-то могли разговаривать до утра, ссориться из-за глупостей и мириться так, что соседи стучали по батареям.

Я хотела услышать, что он тоже замечает пустоту между нами.

Сегодня я не хотела ничего.

— Не знаю, — ответила честно.

Его лицо стало жёстче.

— То есть ты предлагаешь разрушить пять лет брака и даже не можешь объяснить, чего добиваешься?

— Я не пытаюсь ничего добиться.

— Тогда зачем всё это?

— Чтобы уйти.

Он встал.

Мой муж был высоким мужчиной. Когда Артём сердился, он редко повышал голос. Просто выпрямлялся, становился неподвижным, и окружающие начинали говорить тише.

На меня этот трюк когда-то действовал.

Сегодня — нет.

Ну, почти.

— Я не собираюсь обсуждать развод на эмоциях, — сказал он.

— А я не собираюсь ждать, пока ты сочтёшь мои эмоции достаточно обоснованными.

— Ты ведёшь себя импульсивно.

Я рассмеялась.

Коротко.

Безрадостно.

— Импульсивно? Артём, я полгода консультировалась с

юристом. У меня готовы документы. Я сняла квартиру.

Он замер.

— Что?

Вот теперь мы добрались до действительно важной части.

— Я сняла квартиру, — повторила я.

— Когда?

— На прошлой неделе.

— Где?

— Это не имеет значения.

— Для меня имеет.

— Для тебя теперь всё будет иметь значение, да?

Он шагнул ко мне.

Я не отступила.

Мы стояли посреди огромной кухни, которую когда-то проектировали вместе.

Вернее, я проектировала, а Артём говорил, что бюджет не ограничен.

Я помнила, как мы выбирали камень для столешницы. Как он обнял меня сзади прямо в салоне, уткнулся носом в шею и прошептал, что ему плевать на цвет кухни, если я обещаю встречать его здесь по утрам.

Я обещала.

И долго выполняла обещание одна.

— Ты уже всё решила, — тихо сказал он.

— Да.

— Не посоветовавшись со мной.

— Развод — это не покупка дивана, Артём.

— Мы семья.

Эти два слова ударили неожиданно больно.

Я отвела взгляд.

— Были.

— Не говори так.

— Почему?

— Потому что это неправда.

Я снова посмотрела на него.

И впервые за утро увидела не раздражение.

Страх.

Он мелькнул всего на секунду, прежде чем Артём привычно спрятал его за холодным выражением лица.

Мне стало тяжело дышать.

Я ненавидела себя за то, что даже сейчас хотела его утешить.

Положить ладонь ему на грудь.

Сказать, что всё будет хорошо.

Что я просто устала.

Что ещё немного потерплю.

Но я уже знала, чем заканчиваются такие обещания.

— Мне нужно собрать последние вещи, — сказала я.

— Ты никуда не поедешь.

Я медленно подняла брови.

Он сразу понял, что сказал.

— Я не это имел в виду.

— А что?

— Я хочу, чтобы мы поговорили.

— Мы разговариваем.

— Нормально, Марина.

Я вздохнула.

— У нас с тобой явно разные представления о нормальности.

И направилась к двери.

— Марина.

Я остановилась.

— Посмотри на меня.

Не знаю почему, но я обернулась.

Наверное, потому что за семь лет знакомства так и не научилась полностью игнорировать его голос.

Артём стоял у стола.

Красивый.

Злой.

Растерянный.

Мужчина, которого я когда-то выбрала из всех возможных мужчин на свете.

— Ты меня больше не любишь? — спросил он.

Вот этого вопроса я боялась.

Больше, чем скандала.

Больше, чем его гнева.

Потому что не знала ответа.

Я могла бы солгать.

Сказать «нет» и поставить точку.

Возможно, это было бы даже милосерднее.

Но мы слишком долго врали друг другу молчанием.

— Я не знаю, — прошептала я.

Он едва заметно вздрогнул.

И почему-то именно тогда я поняла, что всё действительно закончилось.

Не потому, что любовь исчезла.

А потому, что её больше было недостаточно.

Чемодан стоял у входной двери.

Большой.

Серый.

Неприлично практичный.

Я купила его три дня назад, и продавец-консультант пожелала мне приятного путешествия.

Я поблагодарила.

Не стала объяснять, что еду всего на другой конец города.

И что обратный билет не предусмотрен.

Артём вышел из кухни, когда я застёгивала сумку.

— Я отвезу тебя.

— Не нужно.

— Марина.

— Я вызвала такси.

Он посмотрел на чемодан.

Потом на меня.

— Ты действительно уходишь.

— Да.

— Из-за годовщины?

Я закрыла глаза.

Господи.

Дай мне сил.

— Нет, Артём.

— Тогда из-за чего?

Я подошла к нему.

Остановилась совсем близко.

От него пахло дорогим парфюмом и кофе. Знакомый запах, который ещё недавно означал дом.

Я подняла руку.

На мгновение захотелось поправить воротник его рубашки.

Привычка.

Пять лет мелких прикосновений.

Я опустила ладонь.

— Потому что ты даже сейчас думаешь, что дело в одной забытой дате.

Он смотрел на меня.

Я ждала, что он скажет что-нибудь.

Но он молчал.

И я вдруг поняла, что это тоже ответ.

За окном просигналила машина.

Я взяла чемодан.

Артём перехватил ручку.

Не мою руку.

Именно ручку чемодана.

— Я сам.

— Не надо.

— Марина, перестань спорить хотя бы из-за этого.

Я отпустила.

Он донёс чемодан до лифта.

Мы стояли рядом и смотрели, как на табло меняются циф-

ры.

Семнадцать.

Восемнадцать.

Девятнадцать.

Наш этаж.

Двери открылись.

Артём поставил чемодан внутрь.

Я вошла следом.

Повернулась к нему.

Он стоял в дверях, придерживая створку ладонью.

— Я позвоню вечером, — сказал он.

— Не нужно.

— Нам всё равно придётся обсудить документы.

— Софья свяжется с твоим юристом.

Его взгляд потемнел.

— Ты привлекла Софью?

— Она семейный адвокат.

— Она твоя подруга.

— Одно другому не мешает.

Он выпрямился.

— Ясно.

В его голосе появилась та самая ледяная вежливость, которую я так хорошо знала.

Мне хотелось сказать, что он может злиться.

Что я понимаю.

Что мне тоже больно.

Но двери лифта начали закрываться.

И я промолчала.

За секунду до того, как они сомкнулись, Артём произнёс:

— Я не дам тебе уйти вот так.

Я посмотрела ему в глаза.

— Ты уже дал, Артём.

Двери закрылись.

В такси я не плакала.

Я вообще не плакала уже несколько недель.

Слёзы закончились где-то между последней отменённой встречей с психологом и вечером, когда я поняла, что не помню, когда муж в последний раз спрашивал, как прошёл мой день.

Телефон завибрировал.

Софья: Ну что?

Я посмотрела на сообщение.

Напечатала:

Сказала.

Ответ пришёл мгновенно.

Софья: Он жив?

Я невольно улыбнулась.

Физически — да.

Софья: Тогда приезжай. Я заказала завтрак и шампанское.

Сейчас девять утра.

Софья: Именно. Для развода идеальное время.

Я убрала телефон.

За окном мелькали знакомые улицы.

Город жил своей обычной жизнью.

Люди спешили на работу, стояли в пробках, покупали кофе, ругались по телефону.

Никто не знал, что сегодня утром я разрушила собственный брак.

Или, может быть, просто наконец признала, что он давно разрушен.

Я прислонилась лбом к прохладному стеклу.

И вдруг вспомнила одну вещь.

Пять лет назад, после свадьбы, Артём поднял меня на руки прямо у дверей нашей первой квартиры.

Я смеялась и требовала поставить меня на пол.

Он не послушался.

— Волков, ты невозможный!

— Привыкай, жена.

— А если разведусь?

Он поцеловал меня.

Долго.

Так, что я забыла, о чём спрашивала.

А потом улыбнулся и сказал:

— Не дождёшься.

Я закрыла глаза.

Как же сильно он тогда ошибался.

Телефон снова завибрировал.

На экране высветилось сообщение от Артёма.

«Марина, нам нужно поговорить. Сегодня. Я отменил все встречи».

Я смотрела на эти слова почти минуту.

Пять лет.

Пять лет я мечтала, чтобы он однажды отменил встречи

ради меня.

И вот наконец дождалась.

Только теперь это уже ничего не меняло.

Я заблокировала экран.

— Всё хорошо? — спросил водитель, взглянув на меня в зеркало.

Я посмотрела на своё отражение.

Растрёпанные волосы.

Бледное лицо.

Обручальное кольцо на пальце.

Я медленно сняла его.

Положила в маленький карман сумки.

И впервые за долгое время ответила совершенно искренне:

— Да. Кажется, теперь будет хорошо.